

Устные рассказы об эзоповом языке в литературно-художественной среде: фольклорно-антропологический подход

Елена Ф. Югай

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
Москва, Россия, Leta.ugay@gmail.com*

Аннотация. Любое интервью соотносится с реальностью весьма условно: в рассказе от первого лица имеет место и конструирование образа себя, и концептуализация реальности, и моральный подтекст. Выделить эти вещи помогает фольклористический подход, основанный на поиске текстологических параллелей, выделении речевых жанров, формул и других клише. В статье рассмотрены механизмы, посредством которых формируется образ эзопова языка в интервью с горожанами разных поколений, преимущественно из писательской среды. В частности, сопоставляется применение формулы «Софья Власьева, как тогда называли советскую власть» в интервью, журналистике и художественной прозе. На основе устных рассказов мы можем судить не столько о практиках эзопова языка в позднее советское время, сколько об образе этого явления, круге мотивов, в которых раскрывается его природа – как с точки зрения тех, кто жил в описываемый период, так и в глазах более молодого поколения.

Ключевые слова: писательская среда, эзопов язык, интервью, нарратив, Софья Власьева, позднее советское время

Для цитирования: Югай Е.Ф. Устные рассказы об эзоповом языке в литературно-художественной среде: фольклорно-антропологический подход // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2020. Т. 3. № 2. С. 88–109. DOI: 10.28995/2658-5294-2020-3-2-88-109

Oral stories about Aesopian language in the literary and artistic community: Folkloristic and anthropological approach

Elena F. Yugai

*Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
Moscow, Russia, leta.ugay@gmail.com*

Abstract. First-person narratives involve constructing of self, conceptualization of reality, analysis of one's personal experience, and moral implications. Folkloristic methods help discover all these implications by underlining textual parallels, speech genres, formulas, motifs, etc. The article explores the mechanisms that help to form the image of Aesopian language in interviews with urban dwellers of different generations. Each interview corresponds to reality in a complex and indirect way. For instance, the article gives examples of anecdotes and anecdote-like stories, comical and didactic stories about communicative gaps, and formulas, such as "Sofia Vlasievna, the name for Soviet regime", used in interviews, but also in press and literature. Basing on the material of interviews, we can explore not so much the practices of Aesopian language in late Soviet time, but the complex of motifs that form the image of this phenomena. It is important for the worldview of both those who lived in late Soviet times and the younger generation – those who were children at that time.

Keywords: literary community, Aesopian language, interview, narrative, Sofia Vlasievna, late Soviet time

For citation: Yugai, E.F. (2020), "Oral stories about Aesopian language in the literary and artistic community: Folkloristic and anthropological approach", *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 3, no. 2, pp. 88–109. DOI: 10.28995/2658-5294-2020-3-2-88-109

Эзопов язык – литературное и социокультурное явление, формально представляющее собой сообщения с двойной адресацией, когда смысл открывается адресату-другу с помощью «маркеров» и прячется от адресата-врага с помощью «экрана». Эти сообщения могут передаваться посредством словаря замен (эвфемизмов и дисфемизмов), регистра, при котором любая речь может восприниматься как имеющая подтекст, или практики, при которой канал коммуникации выбирается таким образом, чтобы исключить «третьего» коммуниканта. Фактически в позднее советское время функция шифровки отходит на второй план, условные обозначения становятся устойчивы, а потому – всем понятны, и их упот-

ребление скорее демонстрирует ироническое отношение к окружающей реальности, чем прячет смысл высказывания [Югай 2018]. В настоящее время позднесоветский эзопов язык служит предметом изучения и публичных дискуссий. В статье я попытаюсь показать, как оптика фольклориста помогает выделить представления об эзоповом языке и их значение для горожан разных поколений, а также продемонстрировать, как через автобиографические рассказы раскрываются ценностные установки, преимущественно в писательской среде.

Когда я записывала интервью о советском эзоповом языке, мои собеседники охотно излагали свои концепции этого явления, причины и особенности и гораздо хуже вспоминали случаи употребления. Это показывает, что эзопов язык сейчас – не столько словарь и практика прошлого, сколько некоторая мировоззренческая реальность, ценность (или антиценность, в зависимости от трактовки), актуальная и сегодня. Эзопов язык – термин эмный, как правило, информанты не нуждаются в уточнении, о каком именно явлении их спрашивают. Сама тема вызывает интерес, и можно сказать, что не только исследователь направляет ход мысли респондента, но и последний, будучи одновременно и потенциальным читателем, провоцирует дальнейшие исследования. При этом в качестве доказательства существования и важности советского идеологического двуязычия приводятся не только (и не столько) мемораты, сколько анекдоты, фабулаты и другие тексты, которые больше говорят о представлениях об эзоповом языке, чем о реальности его применения.

В изучении советского эзопова языка на материале интервью¹ нет возможности сравнить реальность и нарратив, окрашенный позитивной или негативной ностальгией, поскольку речь идет об ушедшей эпохе. Есть письма, подверженные цензуре и, следовательно, могущие быть площадкой для эзопова языка; они позволяют как-то соприкоснуться с коммуникативной ситуацией напрямую, но, во-первых, фиксация здесь не только сохраняет диалог, но и сильно влияет на его особенности, во-вторых, такие важные вещи, как написание, отправка, чтение и понимание, все равно восстанавливаются из текстов-свидетельств (интервью или воспоминаний). Адресация всем и никому, связанная с ограничениями на количество писем, например, из лагеря, приводила к коллективному чтению, когда письмо объединяло круг оставшихся на свободе друзей, или переписыванию, увеличивавшему вовлеченность получателей в текст.

¹ Интервью, взятые автором у жителей Москвы, Санкт-Петербурга и Вологды в период с 2017 по 2019 г.

Когда фольклорист записывает нарративы, как правило, его не интересует стоящая за этим физическая реальность в ее рациональном толковании (есть ли в определенном месте оптическая иллюзия, сложный участок леса и обладает ли информант повышенной тревожностью). Поле фольклориста четко ограничено миром смыслов и представлений, формирующим реальность, в которой живет информант, возможно, парадоксальным образом, именно потому, что дистанция между изучающим и изучаемым велика.

Когда исследователь берется за описание каких-то социальных явлений в кругу близких ему людей, он может попасть в ловушку доверия. Разница между рассказом о явлении и явлением, непосредственно наблюдаемым, казалось бы, всегда осознается довольно четко, но на практике во время интервью начинает действовать презумпция истинности: если информант говорит «мы делали так» и если нет свидетельств, утверждающих обратное, то, видимо, так и было. Особенно если физической возможности изучать наблюдаемую реальность нет.

Но в нашей власти проанализировать полученные в интервью свидетельства и посмотреть, есть ли в них вещи, которые можно объяснить законами текстопорождения. Иными словами, те, для которых не обязательно допущение о существовании эзопова языка как практики коммуникации. Я не говорю о непременном отрицании факта, что такая практика существовала, а только о возможной автономности от нее устных свидетельств.

Эзопов язык, во всех значениях этого термина, входит в предметное поле антропологии. В статье речь идет о применении к этому понятию методов собственно фольклористики, то есть анализ нарративов и выделение в них речевых жанров, поиск мотивов, формул и других повторяющихся структур и др. Большинство свидетельств, используемых в статье, записаны в писательском сообществе.

Устный рассказ, автобиография и интервью: как с этим работать?

Для фольклориста интервью – один из основных методов получения информации, хотя и не единственный, но, пожалуй, любимый. Исследователи, которые используют интервью, рефлексиируют относительно получаемого материала и вариантов работы с ним. Во второй половине XX в. научное междисциплинарное сообщество обсуждало методы записи и анализа автобиографических нарративов, что близко к нашей теме: как и в работе с авто-

биографией, в работе с темой эзопова языка человека спрашивают о его жизни и мире, в котором он жил.

Джеймс Пеакок и Дороти Холлэнд вводят обозначение *life story* в противовес *life history*, подчеркивая самодостаточность рассказа относительно реальной жизненной истории. В статье «Narrated Self» (1993) авторы суммируют подходы к анализу автобиографий, полученных при помощи интервью. Первый – это «жизнеориентированный подход» (*life-focused*), при котором нарратив воспринимается как окно в историю/этнографию (объективные внешние факты) или в психику человека (объективные внутренние). Второй – текстоориентированный (*story-focused*), который, в числе прочих дефиниций, назван структуралистским: только текст имеет реальность и доступен для анализа. Третий – процессуальный подход, при котором рассказ о себе воспринимается как конструирование себя, в частности своих социальных отношений и идентичности, а интервью воспринимается как продукт социального взаимодействия между интервьюером и информантом («новая этнография»). В последнем случае интервью служит «окном – хотя и неидеально прозрачным – на исторический период, культурные практики и психические события» [Peacock and Holland 1993, p. 374]. В каждом подходе авторы находят продуктивные черты, хотя не один не принимают полностью. По мнению авторов, «историко-этнографические интерпретации никогда не равны сами себе, потому что автобиография только частично соотносится с историческими событиями и культурной спецификой» [Peacock and Holland 1993, p. 376].

Интервьюируемый не остается неизменным во время исследования. Сам диалог (разновидностью которого является интервью) выступает как речевой жанр, во многом определяющий специфику рассказанного. Еще в 1980 г. Вильям Клементс [Clements 1980] приводит интересные комментарии к работе фольклориста с автобиографическим нарративом. В начале своей статьи он отсылает к открытию фольклористами автобиографических нарративов² и пониманию, что «фольклорное поведение – не редкость, не признак низкого положения в обществе или глупости, не масса ошибок, не эксклюзивная собственность стереотипного “народа”, а знак принадлежности к человечеству»³. Но чтобы поле фольклористики не расширялось до полного отсутствия определения, автор оставляет признак, который важен: «традиционность» в значении «повторе-

² Клементс отсылает к статье [Stahl 1977] и к следующим за ней.

³ Ketner K.L. The Role of Hypotheses in Folkloristics // Journal of American Folklore. 1973. Vol. 86. No. 340. P. 114–130. Цит. по: [Clements 1980, p. 107].

ние». Клементс предлагает делать «тест на традиционность», который включает как дополнительные вопросы о том, рассказывалась ли эта история раньше и при каких обстоятельствах, так и наблюдение за средой (например, многие нарративы можно услышать от разных людей, а некоторые возникают в интервью именно потому, что интервьюер слышал их раньше). С другой стороны, поскольку само интервью – это также ситуация общения, которая хотя и отличается от беседы, но «основание такое же» [Clements 1980, p. 111], рассказ интервьюеру – это вполне себе случай фольклорного текстопорождения (внук может спросить: «Как это было, когда ты был ребенком, дедушка?» – и дедушка ответит персональным нарративом, подходящим к аудитории и контексту). И такие – одноразовые – истории тоже интересны фольклористу.

По поводу сравнения нарратива в интервью и за его пределами есть и более новые работы, например статья Мишеля Ковена [Koven 2011], в которой он сравнивает записи одной истории, сделанные от одного информанта в разных ситуациях, и показывает, что текст для интервью более диалогичен, рефлексивен и полон подробностей. При этом Ковен оговаривается, что степень близости и знания о жизни информанта у интервьюера и других слушателей было разным, так что нельзя с достоверностью утверждать, что именно повлияло на разницу в тексте.

Вводный материал к тематическому выпуску, где опубликована эта статья, озаглавлен: «Интервью vs “естественный” контекст: ложная дилемма» (Interviews vs ‘natural’ contexts: A false dilemma). Дело не только в некоторой искусственности ситуации записи – при долгом неструктурированном интервью с горожанином она практически сходит на нет, – но и в наличии «речевых жанров» в любом разговоре. И здесь стоит вспомнить Михаила Бахтина [Бахтин 1996], обратившего внимание филологов на это явление, и Нэнси Рис, сделавшую один из таких жанров объектом антропологического исследования [Рис 2005].

Что же может дать методологическая рамка фольклористики при анализе такого социолингвистического явления, как эзопов язык? Наличие темы и опросника делает интервью более структурированным и в большей степени ограничивает свободу информанта в выборе случаев для рассказывания, но в целом повествование близко автобиографическим нарративам. При этом в собранных мной интервью большинство свидетельств обладает качествами фольклорного текста, прежде всего формульностью и стереотипностью. Свидетельства организуются по законам нарратива: в них можно выделить сюжет, мотивы и посыл (идею). Некоторые фрагменты можно определить как анекдот (история, моделирующая какую-то жизненную ситуацию в пародийном ключе) или *foaf-story*.

Большинство опрошенных опирались на пресуппозицию существования эзопова языка, т. е. были нацелены на сотрудничество со спрашивающим и старались найти/вспомнить соответствующий пример. Меньшая часть респондентов признавалась, что в жизни (в своем окружении) с эзоповым языком не сталкивалась, но это не мешало принимать участие в обсуждении феномена и стереотипов о нем. И все же, вероятно, многие тексты не были порождены вопросами, скорее они извлекались из багажа устных историй, используемых и в естественных ситуациях.

Язык общения небольшой группы должен быть локальным, иначе теряется смысл, и в этом эзопов язык близок групповому жаргону. Если говорить о языке как сопротивлении, территории внутренней свободы при внешней несвободе, то сам факт наличия групп становится важным. Как писал Зиновий Зиник: «В нашем кругу таких слов не употребляют. В нашем кругу таких поступков себе не позволяют». Такое можно услышать в нашем кругу. Не важно, какие слова и какие поступки. Главное, что мы – кучка избранных, заклятых друзей, а вокруг нас вьюга советского хамства, единственная защита от которого – стены разговора, понятного только нам, только людям нашего круга» [Зиник 1980, с. 97]. Как будет показано ниже, важную роль в передаче знания об эзоповом языке (его существовании и примерах) имеет семейная традиция. Часто респонденты рассказывают не о своем опыте, а об опыте родителей, и это показывает, что эзопов язык сейчас выступает как некоторый объект передачи, осознается как культурное явление, что-то объясняющее в прошлом и в настоящем. Традиция употребления, свойственная своей группе, воспринимается как правильная, при этом именно такие словоупотребления в интервью сообщаются неохотно, с оговорками, что это может быть частным.

Авторитетность высказываний о/на эзоповом языке может быть обусловлена не только группой, но и личным опытом. Так, наличие опыта столкновения с системой в виде цензуры или заключения, распространения самиздата или других незаконных форм активности превращает человека в «магического специалиста», суждения которого воспринимаются окружающими как значимые. В писательской среде персонажами рассказов об эзоповом языке становятся авторы, которые интересны сами по себе, тем самым нарратив превращается в легендарный.

Вкрапление фольклора в воспоминания

Далее я постараюсь показать, как в ответах на вопросы об эзоповом языке и в рассказах информантов текст обуславливает сам себя, действуя как фольклорный. Первое, на чем я бы хотела остановиться, это собственно анекдоты, речевки и другие жанры, приводимые в интервью в качестве свидетельства или аргумента, при этом осознаваемые как таковые. В этих примерах эзопов язык смешивается со сленгом, который, с одной стороны, может быть проявлением эзопова языка, с другой – распространять на него свои законы.

На вопрос об условных обозначениях для литературы самиздата, о которой говорить было небезопасно, в качестве примера приводится заведомый анекдот, обнажающий механизмы работы эзопова языка: «Еще смешная история, не моя, а известная: “Ну ты торт, что я тебе вчера принес, съел? Ну да, съел. Ну если съел, то передай Коле”»⁴. Здесь неподцензурная литература заменяется на случайное «торт», что тянет за собой поле ассоциаций («съел» как «прочитал»). Другой респондент приводит случай из жизни, довольно точно перекликающийся с этим анекдотом: «Так как самиздат давался на короткое время и надо было передавать, то вот я звонила Юрке и спрашивала, что у тебя еще эта книжка “Для вас, девушки”, она еще у тебя? Тогда выходили первые книжки секс-просвещения, “Для вас, юноши”, “Для вас девушки”. Вот такой был эвфемизм. <...> И Юрка какое-то время не понимал: какие “Для вас, девушки?”. Ну как же? Помнишь, мы обсуждали»⁵. Книга, о которой идет речь (что-то из самиздата), обозначается через метафорическую замену (другая книга, о которой, хотя и по другим причинам, тоже не следует говорить громко), и реакция собеседника показывает спонтанность и случайность такой замены – маркером скорее становится отсылка «то, что мы обсуждали вчера», чем само условное обозначение. В примере из другого интервью, наоборот, само слово «книга» становится заменой: «книга – коробок марихуаны, собрание сочинений – стакан. “Приноси мне почитать книгу, которую ты читал позавчера”»⁶.

Мотив повторяется и проходит «тест на повторение», хотя и проявляет себя в разных речевых жанрах и имеет варианты.

Анекдот может привлекаться к объяснению того или иного эвфемизма (при этом статус реального словоупотребления остается неясным). «Ну, этот же эвфемизм был и про выпивку, почи-

⁴ м., Москва, 1948 г.р., поэт.

⁵ ж., Санкт-Петербург, 1955 г.р., ученый.

⁶ м., Санкт-Петербург, 1960 г.р., поэт.

тать книгу. <...> В контексте, например, анекдота. <...> Анекдот про Петьку и Василия Ивановича. Задали им написать сочинение “Как я провел лето”. Они долго думают. Наконец, Петька говорит, давай назовем бутылку – книгой, а все остальное – рыбалкой и рыбной ловлей. “С утра прочитали две книги...” Дальше я вам не буду цитировать»⁷. На вопрос об использовании в быту информант отвечает: «Только в сугубо ироническом <значении>, для знающих этот анекдот».

Подобные замены относительно устойчивы, при этом их пользователи могут быть убеждены в их окказиональности и уникальности. Так, в начале 2000-х старшеклассники одной из вологодских школ обозначали курение эвфемизмом «читать книжки», возводя происхождение замены к фразе учительницы английского, рекомендовавшей to read more (что созвучно названию марки сигарет *More*)⁸.

В качестве примера или объяснения может использоваться и пересказ воспоминаний или литературы: «А вот еще что, в “Новом мире” было опубликовано такое стихотворение про какого-то. “Все простит тебе Исаич, но измены не простит”. И с тех пор Солженицына стали называть Исаич»⁹. Иногда такая отсылка действительно выглядит как комментарий к реально существовавшему словоупотреблению (при этом не очень понятно, насколько активному), а иногда – как авторитетный для информанта источник, который компенсирует отсутствие собственного опыта. Это напоминает феномен, на который обратила внимание Марина Байдуж в одном из докладов: на вопрос о домовом информанты начинали описывать персонажа мультфильма или рекламы, при том, что они могли находиться внутри традиции и иметь собственный визуальный образ, но показанное по телевизору воспринимали как более авторитетное и достойное рассказа (тезисы доклада см.: [Байдуж 2013]).

В разговоре об эзоповом языке может приводиться идиома, при этом она соотносится с употреблением только косвенно: «“Есть обычай на Руси ночью слушать би-би-си”. Бибишка, голоса»¹⁰ (и этот эвфемизм как раз фиксируется в живом употреблении у другого респондента: «То, что дедушка слушал голоса, мне это не приходило в голову»¹¹). Но наличие некоторого неформального обозначения скорее свидетельствует о включении реалии в разряд

⁷ м., Санкт-Петербург, 1966 г.р., художник.

⁸ Самозапись, ж., Вологда, 1984 г.р.

⁹ ж., Санкт-Петербург., 1947 г.р., ученый.

¹⁰ ж., Санкт-Петербург., 1947 г.р., ученый.

¹¹ м., Санкт-Петербург, 1960 г.р., поэт.

важных, чем собственно о маскировке, которая в позднее советское время в целом отходит на второй план.

Отдельный жанр свидетельств – это народная этимология. «А вот еще – “черный кабинет”. Вот эта цензура эпистолярная, она называлась “черный кабинет” – но ты учти, учитывая “черный кабинет” – понимаешь почему? ЧК»¹². Рассказчик связывает обозначение цензуры (кальку с французского *Cabinet Noir*, XVII в., распространенную еще в царской России, – см. подробнее: [Измо- зик 2015]) с Чрезвычайной комиссией, тем самым меняя внутреннюю форму и актуализируя аббревиатуру.

Ключевая формула советского эзопова языка

Если говорить о словаре эзопова языка, то здесь необходимо остановиться на одном примере. Я бы даже сказала – «том самом примере». Практически у всех информантов на вопрос о конкретном словоупотреблении возникает один ответ (а у многих он остается единственным):

Были эвфемизмы, которые мы использовали в письмах и по телефону, но это тоже было немножечко игровое, потому что вот того накала, который был до нашего времени, и мы понимали, что мы живем во время очень мягкое, по сравнению с тем... Ну, Софья Васильевна, советская власть – Софья Васильевна всегда называлась¹³.

[А кроме правителей?] Нет, и КГБ, и советская власть, естественно, требовали [замен]. Ну, Софья Власьевна, естественно. [А в каком контексте?] Сначала очевидно это возникло, чтобы постороннее ухо не сразу догадалось, о чем речь. А потом это стало настолько привычно... Но интереснее все-таки говорить Софья Власьевна, игровой момент...¹⁴

[А когда говорили о правительстве или партии, были обозначения, чтобы это говорить и не привлекать внимание?] Например, было очень принято Софья Васильевна – советская власть. [Например?] Ну... Софья Васильевна опять нагадила, удержит нет у ней¹⁵.

¹² м., Москва, 1948 г.р., поэт.

¹³ ж., Санкт-Петербург, 1955 г.р., ученый.

¹⁴ м., Москва, 1948 г.р., поэт.

¹⁵ м., Москва, 1933 г.р., поэт.

Софья Власьевна. Или Софья Васильевна. «Вот он вечно ругает Софью Власьевну, а сам бегаёт к ней за защитой, когда хулиганы нападают, в милицию бегаёт»¹⁶.

Среди старшего поколения бытовали такие эвфемизмы, как Софья Власьевна, советская власть¹⁷.

Ситуация такова, что в ответ на вопрос о словах информанты не просто приводят «эвфемизмы – такие как Софья Власьевна», а строго «Софью Власьевну» (с вариантами отчества). За пределами этого примера часто ничего не вспоминается, в лучшем случае – вспоминается одно-два словоупотребления (почти исключительно – «Галина Борисовна» для Госбезопасности).

При этом, как и выше сказано, без наводящих вопросов человек не делает различий между услышанным в реальности и тем, что он, в соответствии со своим же «здравым смыслом», *мог бы* услышать:

Они поливали направо и налево Софью Власьевну, как ее тогда называли... [А Вы сами слышали, чтобы называли Софьей Власьевной?] Нет, я-то не слышала. Но это знание. Я была ребенком, но потом я узнала, что называли Софья Власьевна¹⁸.

Более того, это иносказание выступает как средство установления контакта с интервьюером:

[А для правителей какие-то были наименования?] Это как говорили в советское время Софья Власьевна, да? Такого типа, да? Так... [А «Софья Власьевна» в живом бытовании встречалось или это скорее как анекдот?] А я вот не встречал. В своем детстве... я такого не встречал. Я вообще это не так давно узнал, что, оказывается, так говорили про власть, Софья Власьевна¹⁹.

За пределами исследовательских интервью Софья Власьевна также выступает как известный термин советской эпохи (при других неупоминаемых и спорных). В статье об Анатолии Гладилине на «Радио Свобода» возникает «шебутная Степанида Власьевна (так они называли советскую власть)»²⁰. В комментарии

¹⁶ ж., Санкт-Петербург, 1955 г.р., ученый.

¹⁷ м., Санкт-Петербург, 1966 г.р., художник.

¹⁸ ж., Москва, 1956 г.р., экскурсовод.

¹⁹ м., 1972 г.р., род. в Ташкенте, живет в Москве, поэт.

²⁰ Петров Д. «Тебе, братишка, не приснится...»: Дмитрий Петров об Анатолии Гладилине [Электронный ресурс] // Colta.ru. 29 окт. 2018. URL:

под другой статьей на том же ресурсе говорится: «Любопытный момент – Сын осуждённого Оуновца получает при Софье Власьевне допуск к защите ДИССИДЕНТА! Не иначе как “друзья народа” (КГБ) его на этот подвиг подвигли. По другому его поведение не объяснить»²¹.

Встречается это обозначение и в художественной литературе²²: «Софья Власьевна, как мы тогда говорили»²³, «Что если Советская власть – или, как ты ее называешь, Софья Власьевна, – если она прикажет долго жить...»²⁴, «Сейчас, оглядываясь назад на те времена из постперестроечного сегодня, осознаешь особенно ясно, какую ошибку совершила тогда Софья Власьевна (так мы называли Советскую Власть)...»²⁵, «Слабеющая Софья Власьевна наградила меня орденом “Знак Почета”, не иначе как за свое собственное долготерпение»²⁶. Реже возникает «Галина Борисовна» (КГБ): «Галина Борисовна – как мы ласково порой называем эту организацию»²⁷.

Автор романа, из которого взята первая цитата, в ответ на вопрос об источниках знания о Софье Власьевне отсылает к семейной традиции употребления: «Так говорила моя мама, а откуда она это взяла, не знаю. По-моему, это вообще была распространенная шутка. Некоторые говорили Софья Васильевна, но это были невежды и неучи :) <...> Но вообще я это выражение знаю с детства. Оно как-то само собой разумелось...»²⁸.

Персонификация системы – удобный риторический прием, многое раскрывающий в отношениях советского человека и власти, но важно и другое. Эвфемизм Софья Власьевна можно определить

<https://www.colta.ru/articles/literature/19582-tebe-bratishka-ne-prisnitsya> (дата обращения 12 янв. 2020).

²¹ Орфография сохранена: *Середа С., Бирчак В.* Тайна отца Медведчука: Вторая мировая война, ОУН, КГБ и Гарвард [Электронный ресурс] // Радио «Свобода». 2018. 25 нояб. URL: <https://www.svoboda.org/a/29619887.html> (дата обращения 12 янв. 2020).

²² Поиск выполнен с использованием НКРЯ.

²³ *Макушинский А.А.* Город в долине [Электронный ресурс] // Знамя. 2012. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2012/5/gorod-v-doline.html> (дата обращения 12 янв. 2020).

²⁴ *Рекемчук А.М.* Мамонты. М.: Мик, 2006.

²⁵ *Козлов А.* Козел на саксе. 2001 [Электронный ресурс]. URL: http://www.lib.ru/CULTURE/MUSIC/KOZLOV/kozel_na_saxe.txt (дата обращения 12 янв. 2020).

²⁶ *Битов А.* Неизбежность ненаписанного. М.: Вагриус, 1998.

²⁷ *Попов В.* Будни гарема. М.: Вагриус, 1994.

²⁸ *Макушинский А.А.*, 1960 г. р. Личная переписка.

как «прототип» для понятия «эзопов язык» (в смысле, в котором это слово использует Джордж Лакофф, со ссылкой на Элеонору Рош: «члены категории, которые имеют особый когнитивный статус, а именно, статус быть “лучшим примером”», по сходству или отличию с которым мы определяем принадлежность к той или иной категории) [Лакофф 2011, с. 64]. Именно в таком качестве он функционирует среди тех, кто в последние годы советской власти были молодыми людьми. При этом «так говорили наши родители» преобразуется в «так говорили» и – при передаче текста далее – «так говорили мы» (последнее советское поколение). Устойчивое сочетание с этим именем – ругать, таким образом, Софья Власьева одновременно выступает и как эвфемизм (замена на родственное, человеческое имя), и как дисфемизм (Софья Власьева – это такая советская власть, которая находится в состоянии обругивания своими гражданами).

Мы можем с уверенностью говорить о *представлении*, что Софья Власьева использовалась как эвфемизм для советской власти часто теми, «кто постарше нас» (как современные деревенские респонденты отвечают на вопросы о традиционных обрядах: «так делали до нас»), и что, если постараться, то можно найти и другие примеры (хотя в реальности в интервью их встречается крайне мало). Но часто это представление опирается на книги, интервью и воспоминания родителей, то есть на некоторый услышанный или прочитанный текст, а не на наблюдение практики. Это, конечно, в первую очередь касается тех, кто был в советское время ребенком или подростком, но и те, кто в последние советские годы был взрослым, тоже скорее предполагают, что использование «подобных эвфемизмов» – это опыт давно прошедших тридцатых, а о своих практиках говорят как об игровых или о возможных.

Таким образом, при попытке раскрыть собственный опыт информанта интервьюер наталкивается на тексты или идиомы, которые транслируются в публикациях с упоминанием эзопова языка, в том числе современных, или в фольклорных текстах об иносказаниях. Что не исключает, конечно, использования этих единиц в реальном общении в прошлом, но и не подтверждает его. Зато вне всяких сомнений подтверждает реальность формулы, инвариант которой звучит: «Софья Власьева, как тогда называли советскую власть», для горожан, с которыми проводились интервью. Что, в свою очередь, укрепляет уверенность говорящих в существовании двойных названий, демонстрирующих определенное отношение к предметам.

Воспоминания как фольклор

Такого рода «прототипы», подвергающиеся эвфемизации, возникают и для самиздата – «Архипелаг ГУЛАГ», который насчитывает десятки неформальных наименований при отсутствии таковых для других книг; и для «тамиздата» – журнал «Континент» («один континентальный орган»²⁹, «смешные были истории, например, мне звонит Инна Лиснянская и говорит: “Ты читал мою подборку в журнале в одном?” Я говорю: “В каком журнале?” Она говорит: “Ну, журнал ‘Материк’”. Я говорю: “Что за ‘Материк’?” Она говорит: “Ну, журнал, в Париже выходит, на букву К”»³⁰). Последнее существует не в виде обозначения, которое окказионально, а в виде истории о непонимании. Именно история становится единицей разговора об эзоповом языке в интервью.

Устный рассказ может соревноваться с анекдотом или прецедентным текстом. Иногда он начинается совсем как городские легенды, которые в англоязычной традиции часто называют «история друг друга» (friend of a friend story): «Мне рассказывал мой муж. Это подлинный случай, но звучит как анекдот. Но это правда и это очень типично для среды, в которой я выросла. Это уже гораздо более позднее время было, 70-е годы. Идет молодой папа с ребенком по набережной...»³¹. Само содержание рассказа тут же встраивается в параллель с примером из литературы: «И ребенок такой лет шести, нахохлившись, говорит папе: “А Ленин-то все знал”. А папа ему говорит: “Вечно ты какую-то дрянь притащишь из своего садика! Посмотри, какие здания красивые, я тебе столько показываю, а ты вечно гадость какую-то тащишь...”». Ну, это описано у Довлатова. Где он дочке объясняет, когда она спрашивает, любишь ли ты Брежнева. «Любить можно маму, бабушку, в крайнем случае, меня»³². Параллель – ситуация встречи институционального воспитания, начиная с садика и семейного, обусловлена темой разговора, но важно то, что информант осознает стереотипность примера, и именно это придает этому примеру цену: пример типичен, он раскрывает универсальные законы. Это законы эзопова языка как практики: выученная от родителей готовность делить смыслы на официальные высказывания, которые можно произносить при чужих, но странно при своих, и личное отношение, уходящее в подтекст.

²⁹ м., 1948 г.р., поэт.

³⁰ м., 1946 г.р., писатель.

³¹ ж., Санкт-Петербург, 1955 г.р., ученый.

³² ж., Санкт-Петербург, 1955 г.р., ученый.

Практически все истории словоупотребления, вспоминаемые в интервью, имеют комический момент (либо в самой форме слова, либо в ситуации его употребления): «На восточном факультете, так как много было арабистов, от них пошло арабское слово для обозначения нашей страны – Белядина. Гимн начинался “Беляди, беляди...”. Мы все говорили: “в Белядине что-то происходит”»³³.

С одной стороны, это может отражать реальные черты практики. По словам респондентов, в позднее советское время функция шифровки информации становится второстепенной, и на первый план выходит получение внутреннего удовлетворения от использования эвфемизмов, соответственно, чтобы активно употребляться, единицы эзопова языка должны обладать эстетическими достоинствами. С другой – наличие у слова внутренней формы может быть причиной сохранения и передачи памяти о нем. То есть, возможно, не все живые иносказания были в равной степени остроумны, но последние остаются в памяти и просятся при случае быть рассказанными.

Именно в подборку комических историй о попытках обмануть власть вписываются истории об эзоповом языке:

Я все комические истории рассказываю. Замечательная история была после первого обыска. А я рассказывал о встрече с Бродским? А я встречался с ним и раньше, просто было много народу. Да и как – [чтобы официально познакомились и говорили:] «Здравствуйте, позвольте представиться. Я – Бродский» не было. Я его раньше встречал, это было неизбежно. После обыска Людмила Ильинична и Алик [Гинзбург] решили, что неплохо бы припомнить всех тех, кто у них бывал. Раз у них произвели обыск, то это может случиться и с любым из гостей. Они взяли листочек и написали фамилии. Тут снова пришли КГБ и были очень им благодарны за этот листочек бумаги [смеется].

Историю про Саггир я рассказывал? Меня КГБ-шник спрашивает, что вы можете рассказать нам о Саггире. Я сразу [сделал вид, что] «сообразил», что это аббревиатура и сказал: «К еврейским националистическим организациям отношения не имею». Близо я познакомился с Генрихом уже года через три, и считаю его прекрасным человеком, прекрасным другом, [у него было] умение помогать собратям, пренебрегая собственным поэтическим честолюбием.

Я хочу вам рассказать. Это не имеет отношения к делу, но очень смешная история³⁴...

³³ ж., Санкт-Петербург, 1955 г.р., ученый.

³⁴ м., Москва, 1933 г.р., поэт.

Все это – анекдоты или легенды, которые не обозначаются как таковые, но имеют и формальные особенности, и внутреннюю законченность, и естественную коммуникативную цель.

Устойчивый сюжет, связанный с иносказаниями, – это рассказ о коммуникативной неудаче. Так, в одном таком рассказе повествуется о неудачном знакомстве с будущим мужем, которое могло бы состояться раньше на несколько лет, если бы не разное понимание законов эзопова языка. В другом показано коммуникативное расхождение с ближайшим другом, который, уехав за рубеж, превращается в чужого, потому что теряет навыки пользования эзоповым языком и начинает изъясняться слишком прямо: «...и говорит по советскому телефону, а они, когда уезжали, они сразу забывали, что надо, как-то у них это выскакивало из головы, все эти наши сложности и опасения. А телефон гудит, как будто я разговариваю с космосом, у-у-у. И говорит мне следующую вещь...»³⁵. И в той, и в другой истории через комизм прочитывается горечь по поводу сложности жизни «под присмотром», и вложенные в рассказ эмоции держат его как единый – в чем-то поучительный – текст.

На открытии Совещаний молодых писателей, организованных Союзом писателей Москвы (декабрь 2019), прозаик Евгений Попов (1946 г.р.) рассказал, как Римма Казакова, на тот момент секретарь Союза писателей, «решила спасти» Беллу Ахмадулину от неприятностей, воспользовавшись прослушкой телефона, чтобы разыграть традиционный «обеляющий» диалог, и потерпела неудачу:

Обычно как ведь делали. Вот, допустим, у человека выходит книга на Западе. Если он официальный писатель, его вызывают в Союз писателей и говорят: как Ваша книга попала на Запад? Человек начинает врать: например, я читал стихи, где-то везде, кто-то записал, наверное, передали. Или я на квартире читал пьесу, кто-то записал и передал. Разумеется, не я. И он был прав, потому что презумпция невиновности: докажите, что это я передал на Запад. И все в эту игру играли. <...> Римма-то хотела сделать Ахмадулиной лучше. <...>

– Белла, как так могло быть, что твоя поэма, по «Голосу Америки» ее передавали? Ты же, наверное, не виновата?

– Во-первых, не поэма, а мое политическое заявление. Это идиоты эти называли ее поэмой. А если ты хочешь знать, как оно туда попало, – (Римма-то думала, что она скажет: «да я читала где-то там...») – то

³⁵ См. примеры целиком в статье [Югай 2018].

я вызвала корреспондента, главу *Нью-Йорк Таймс*, Грега Уитни, он приехал, я ему дала это заявление. Та ошалела от такой откровенности³⁶.

Разная степень согласия «играть по правилам» приводит к разным коммуникативным стратегиям, которые плохо уживаются в одном диалоге.

Другая мораль, извлекаемая из возможной коммуникативной неудачи обратного свойства (слишком прозрачный экран), – не стоит недооценивать «третьего» коммуниканта:

Ну узбеки иногда использовали его [узбекский язык] в этом качестве, когда хотели, чтобы их не поняли, они начинали между собой говорить по-узбекски. И они знали, что этот русский наверняка их не поймет. И для них было сюрпризом, когда русский выказывал полную осведомленность и понимание того, о чем сейчас говорили. <...> Я допускаю, что были такие случаи. Я сам такого не видел. <...> [Некоторые русские] приезжали и относились с большим уважением к местной культуре, и они считали своим долгом выучить язык, овладеть культурой³⁷.

Образ эзопова языка – как слов и как практики сокрытия информации разными способами – довольно часто возникает как что-то неработающее. В таких сюжетах функция героя, прибегающего к тактикам двойной адресации, – пытаться ввести в заблуждение другого и в результате оказываться обманутым самому.

Примеры эзопова языка могут сохраняться и в рамках семейных преданий, при этом они непременно подвергаются интерпретации. Так, в следующем примере использование бабушкой информанта дисфимизма «свинопас» для обозначения Хрущева показывает и доказывает ее превосходство над советской действительностью.

У меня бабушка из богатой купеческой семьи, хотя при советской власти она была крестьянка, купцов-то не было уже, хотя это воспитание – замуж выходила в 17-м году – до революции сознание свое получила. Она смотрела в телевизор: «Ну что это за управители? Ну вот что, если он свинопас (Хрущев)». <...> «Вот, говорит, нынешние управители (очень критично относилась), ну, трем кошкам шей не разлить – какой из него управитель»³⁸.

³⁶ Рассказ записан на следующий день после выступления в режиме интервью и почти дословно воспроизводит произнесенное на открытии.

³⁷ м., 1972 г.р., род. в Ташкенте, живет в Москве, поэт.

³⁸ ж., 1952 г.р., Вологда.

Здесь обозначение правителя построено по законам Эзопова языка, ср. хрестоматийные примеры «усатый», «гуталинщик» [Архипова, Кирзюк, Югай 2017, с. 106], хотя в приведенном примере оно и присутствует рядом с прямым обозначением по фамилии (возможно, вложенном в уста бабушки рассказчицей для понятности).

Отдельно следует выделить рассказы о цензорах, редакторах и официозных критиках (это разные персонажи, но иногда они выполняют одинаковые функции). И здесь есть два основных типа сюжетов: сказочный глупый волк, которого художник обманывает, проявляя смекалку, и тайный свой.

В качестве примера можно привести два фрагмента интервью с Александром Тимофеевским, поэтом, опубликованного в альманахе «Синтаксис» (1959), в описываемое время работавшим в кино.

Первое встречается, например, в следующем рассказе:

История такая: Владимир Яковлевич снимал фильм «Звезда пленительного счастья».

И вот в конце фильма был план, который был натурально снят – ворота в ГУЛАГ, в какой-то наш современный лагерь. И Мотыль очень боялся, что во время просмотра в Госкино фильм не пропустят из-за этого плана. Тогда он придумал такую штуку. Дело в том, что вообще в этот просмотр в Гнездиновском переулке режиссеров не пускали. И они сидели за дверью в ожидании того, когда, наконец, чиновники вынесут решение по поводу их фильма. Он точно рассчитал время, когда должен появиться этот план с изображением ГУЛАГА, посекундно. И распахнул дверь, ворвался в зал и закричал: «Я знаю, я знаю, вы задумали меня погубить! Вы хотите не выпустить мой фильм на экран!» И все отвернулись от экрана, обратили свои лица к нему и стали говорить: «Бог с Вами, Владимир Яковлевич! Успокойтесь. Все в порядке, нам нравится этот фильм». В это время фильм закончился³⁹.

Второе проявляется, например, в нарративе об Александре Гинсбурге, который оказался невероятно начитан из-за того, что был вхож в дом критика Владимира Ермилова, «который клеймил всяких неофициальных и левых писателей, но их коллекционировал, и у него была прекрасная библиотека». Гонитель неофициальной литературы имел у себя дома отличную подборку того, что он «душил, не пушал»⁴⁰.

И романтический образ «великого инквизитора», который есть самый внимательный читатель, и образ наивного сильного, проиг-

³⁹ м., 1933 г.р., Москва, поэт.

⁴⁰ м., 1933 г.р., Москва, поэт.

рывающего изобретательному слабому, имеют общие черты: они содержат парадокс и узнаваемость и способны организовать вокруг себя сюжет устного рассказа.

Таким образом, в воспоминаниях примеры эзопова языка вписываются как сюжетообразующие элементы в рассказы, обладающие структурой: сюжетом как интригующей последовательностью событий, основной идеей и часто – моралью. При этом «сказал» или «мог бы сказать» до некоторой степени уравниваются.

И в письмах писали. «Дорогой, какой-нибудь человек, должен тебе сказать, что Иван Иванович внезапно заболел среди ночи». Это значит, что его арестовали. [Это Вы прямо видели?] Нет, я таких не видел особо. <...> И потом я же не дурак, чтобы писать в письме какие-то компрометирующие вещи <...>. Там же сидели на Лубянке не какие-то лохи, а специальные люди⁴¹.

... Конечно, человек, который прошел ГУЛАГ, он трепещет, а слухи всякие: «Софья Васильевна повернулась в другую сторону, вот такие времена. Сегодня она жестокая и крутая баба». Вот это то, что Коржавин говорил: «круг новый начат, меня сегодня будут брать» – это дословно. Но не взяли⁴².

Согласно последнему рассказу, зафиксированные в поэтическом тексте (см. пример целиком [Югай 2018]) слова о новом круге достоверно сказаны Наумом Коржавиным, а вот пресловутое «Софья Васильевна» – *могло бы* быть сказано или услышано.

Рассказы о практиках эзопова языка обладают отдельными от их «правдивости» достоинствами – часто сугубо эстетическими (способностью влиять на слушателя в силу формальных особенностей). Яркость текста может быть обусловлена внешними причинами – яркими переживаниями в момент события-повода, а может возникать как результат повторения рассказа, следствие устного функционирования.

Все это приводит к довольно тривиальной мысли о невозможности «потрогать» реальность, если между нею и наблюдателем стоит чужой устный текст. Но более важным видится другое: то, как рассказчик организует свое повествование и какие речевые жанры задействует, показывает место представлений об эзоповом языке в его образе мира. Мы не можем сказать (на этом материале и с помощью этих методов), как употреблялся эзопов язык, но можем достоверно судить о его существовании как образа в жизни

⁴¹ м., 1946 г.р., писатель.

⁴² м., 1933 г.р., Москва, поэт.

и размышлениях той группы людей, с которой записаны интервью (горожане 1930–1970-х гг. рождения, принадлежащие к научной и творческой среде).

Итак, эзопов язык в позднее советское время, согласно этим рассказам, – это нечто...

... помогающее выделить тех, для кого важны одинаковые темы и понимаются они одинаково (актуальность запрещенных или полузапрещенных действий, знание о возможном наказании).

... объединяющее друзей, находящихся в одном положении, имеющих одно воспитание и одну компанию (о последнем свидетельствует множество локальных «диалектов» и окказиональных употреблений, живущих вместе с историей своего возникновения).

... возможно, доступное для чтения проницательному цензору, но недоступное пусть хорошему и любимому человеку, но имеющему другие жизненные условия или выпавшему из контекста.

... иногда показывающее отсутствие внутренней свободы в сравнении с демонстративным игнорированием возможного третьего коммуниканта.

... иногда, напротив, ставящее своего носителя в позицию ироничного наблюдателя, позволяющее посмотреть на ситуацию со стороны.

В таком виде эзопов язык или его образ выполняет множество функций: от конструирования себя до определения своей ингруппы, от установления контакта до поучения и передачи ценностных установок.

Благодарности

Статья написана при поддержке гранта РФФИ, проект № 20-09-00318а «Стратегии порождения и тактики восприятия поэтического текста в традиционной и городской культурах».

Acknowledgements

This article was written with the support of the RFBR grant, project no. 20-09-00318a “The strategies of generation and tactics of reception of poetic text in rural and urban cultures”.

Литература

Архипова, Кирзюк, Югай 2017 – Архипова А.С., Кирзюк А.А., Югай Е.Ф.

Скрыть опасное имя: поэтика политической формулы // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2017. № 12. С. 102–119.

- Байдуж 2013 – *Байдуж М.И.* «Денежный домовый» и его функции в современных мифологических представлениях // Мифологические модели и ритуальное поведение в советском и постсоветском пространстве: сб. статей / Сост. А.С. Архипова. М.: РГГУ, 2013. С. 275–283.
- Бахтин 1996 – *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров // Собрание сочинений: В 7 т. Т. 5: Работы 1940 – начала 1960-х годов. М.: Русские словари, 1996. С. 159–206.
- Зиник 1980 – *Зиник З.* Подстрочник // Синтаксис. 1980. № 8. С. 73–109.
- Измозик 2015 – *Измозик В.С.* «Черные кабинеты»: история российской перлюстрации. XVIII – начало XX в. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 693 с.
- Лакофф 2011 – *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Пер. с англ. И.Б. Шатуновского. Кн. 1: Разум вне машины. М.: Гнозис, 2011. 515 с.
- Рис 2005 – *Рис Н.* «Русские разговоры»: Культура и речевая повседневность эпохи перестройки / Пер. с англ. Н.Н. Кулаковой, В.Б. Гулиды; предисл. И. Утехина. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 368 с.
- Югай 2018 – *Югай Е.Ф.* Этнография эзопова языка в творческой среде в позднее советское время // Новый мир. 2018. № 5. С. 141–155.
- Clements 1980 – *Clements W.M.* Personal narrative, the interview context, and the question of tradition // *Western Folklore*. 1980. Vol. 39. No. 2. P. 106–112.
- Koven 2011 – *Koven M.* Comparing stories told in sociolinguistic interviews and spontaneous conversation // *Language in Society*. 2011. Vol. 40. Issue 1: Narratives in interviews, Interviews in narrative studies. P. 75–89.
- Peacock and Holland 2003 – *Peacock J.L., Holland D.C.* The narrated self: Life stories in process // *Ethos*. 1993. Vol. 21. No. 4. P. 367–383.
- Stahl 1977 – *Stahl S.* The personal narrative as folklore // *Journal of the Folklore Institute*. 1977. Vol. 14. No. 3. P. 9–30.

References

- Arhipova, A.S., Kirzyuk, A.A. and Yugai, E.F. (2017), “To hide a dangerous name: Poetics of political formula”, *RSUH Bulletin. Series History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies*, no. 12, pp. 102–119.
- Bakhtin, M.M. (1996), “The problem of speech genres”, in Bakhtin, M.M., *Sobranie sochinenii* [Collected works. In 7 vols.], vol. 5: Works from the 1940s – early 1960s, *Russkie slovari*, Moscow, Russia, pp. 159–206.
- Baiduzh, M.I. (2013), “The ‘money brownie’ and its functions in modern mythological believes”, in Arhipova, A.S. (comp.), *Mifologicheskie modeli i ritual'noe povedenie v sovetskom i postsovetskom prostranstve* [Mythological models and ritual behavior in the Soviet and post-Soviet space], RGGU, Moscow, Russia, pp. 275–283.

- Clements, W.M. (1980), "Personal narrative, the interview context, and the question of tradition", *Western Folklore*, vol. 39, no. 2, pp. 106–112.
- Izmozik, V.S. (2015), "*Chernye kabinetny*": *istoriya rossiiskoi perlyustratsii: XVIII – nachalo XX v.* ["Black cabinets": A history of Russian perlyustration. The 18th – early 20th c.], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Koven, M. (2011), "Comparing stories told in sociolinguistic interviews and spontaneous conversation", *Language in Society*, vol. 40, issue 1: Narratives in interviews, Interviews in narrative studies, pp. 75–89.
- Lakoff, G. (2011), *Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi: Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii. Kniga 1: Razum vne mashiny* [Women, fire and dangerous things: What language categories reveal about the mind, book 1: Mind outside of the machine], Gnozis, Moscow, Russia.
- Peacock, J.L. and Holland, D.C. (1993), "The narrated self: Life stories in process", *Ethos*, vol. 21, no. 4, pp. 367–383.
- Ries, N. (2005), "*Russkie razgovory*": *Kul'tura i rechevaya povsednevnost' epokhi perestroiki* ["Russian talks": Culture and conversation during Perestroika], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Stahl, S. (1977), "The personal narrative as folklore", *Journal of the Folklore Institute*, vol. 14, no. 3, pp. 9–30.
- Yugai, E.F. (2018), "The ethnography of Aesopian language in late Soviet time", *Novyi mir* [New World], no. 5, pp. 141–155.
- Zinik, Z. (1980) "The interlinear", *Syntaxis*, no. 8, pp. 73–109.

Информация об авторе

Елена Ф. Югай, кандидат филологических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия; 119606, Россия, Москва, пр-т Вернадского, д. 82; Leta.ugay@gmail.com

Information about the author

Elena F. Yugai, Cand. of Sci. (Philology), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; bld. 82, Vernadskii Av., Moscow, Russia, 119606; Leta.ugay@gmail.com